

Глава 8: Это мама попросила брата позаботиться о Сяо Бао

—

Ночью госпожа Цинь, капризная, ушла спать в другую комнату, взяв с собой Ван Чао, и не вернулась в главную спальню.

У Сяо Ху тоже было не очень хорошее настроение. Он подумал, что им лучше побыть врозь, чтобы не подливать масла в огонь в пылу ссоры, поэтому не пошел ее уговаривать.

На следующее утро Ци Бэйнань вышел из комнаты, поевшись от холода.

В деревне дома стоят не так плотно, как в уездном городе, и они не такие высокие, чтобы защищать от ветра и холода. Здесь со всех сторон горы и много растительности, поэтому зимнее утро было гораздо холоднее, чем в городе.

Он плотно закутался в свое стеганое синее хлопковое пальто и, как только вошел в главный зал, увидел, что Сяо Ху уже встал раньше него.

Он стоял у входной двери, глядя во двор, и молчал.

Ци Бэйнань заметил, что Сяо Ху нахмурился, и его лицо выглядело невесело.

Он проследил за взглядом Сяо Ху: на тонком слое инея во дворе отпечатались несколько рядов следов.

Когда наступил рассвет, госпожа Цинь тихо собрала вещи и, оказывается, действительно ушла с Ван Чао к своей матери!

Ци Бэйнань увидел грязь на подошвах обуви Сяо Ху и предположил, что он выходил на поиски, но не догнал их.

«Дядя Сяо... Тетушка и Чао гер, это...»

«Ушли к ее родителям».

Тон Сяо Ху был холоден. Ссоры между супругами — дело обычное, но он не ожидал, что госпожа Цинь, перед самым Новым годом, действительно уйдет, бросив все и забрав Ван Чао.

Ци Бэйнань, услышав это, захотел рассмеяться.

Чтобы прогнать его, госпожа Цинь использовала даже такой прием. Она специально освободила место, опасаясь, что у него не будет возможности сблизиться с Сяо Ху и Сяо Бао.

Пытаться напугать людей, уходя к родителям, чтобы показать, как семья Сяо не может без нее обойтись, — это действительно плохой способ.

Он думал, что у нее есть голова на плечах, но, оказалось, что это не так.

Раз уж ему предоставили такую возможность, Ци Бэйнань, естественно, с радостью ее принял.

Он притворился испуганным и встревоженным: «Это моя вина, что я так расстроил тетушку. Дядя Сяо, скорее идите и верните ее!»

«Не говоря о том, что сейчас холодно и морозно, тетушке с Чао гером неудобно идти. Взрослые более крепкие, но Чао гер еще мал. Что, если он простудится?»

«Кроме того, Сяо Бао еще не встал. Если он проснется и не увидит тетушку, он, вероятно, будет плакать».

От таких добросердечных уговоров Ци Бэйнаня лицо Сяо Ху стало еще мрачнее.

Если вчера он был лишь слегка недоволен из-за чувства вины, то теперь он по-настоящему зол.

Он думал, что госпожа Цинь любит ребенка и относится к Сяо Юаньбао как к родному.

Но когда произошел настоящий конфликт, стало ясно, действительно ли она любит ребенка.

Если бы она действительно заботилась о нём, она бы, как сказал Ци Бэйнань, не бросила Сяо Юаньбао, который нуждался в материнской заботе.

Хотя Сяо Ху не умел выражать свои чувства и не знал, как сблизиться с ребенком, это не означало, что он не любил ребенка. Напротив, Сяо Юаньбао был его сердцем и душой.

Когда госпожа Цинь только пришла в дом, он сдал большую часть своей земли в аренду, опасаясь, что она будет отягощена сельской работой и не сможет хорошо присматривать за ребенком.

Оставил себе всего пару му земли для выращивания овощей для себя.

Все деньги от аренды он отдавал госпоже Цинь, и большую часть денег от продажи добычи в горах тоже отдавал ей. Он старался не ограничивать ее в деньгах, лишь бы она хорошо

кормила и одевала ребенка.

Помимо ухода за ребенком, он вообще не требовал от нее никакой тяжелой работы.

Он всегда считал, что ему повезло найти госпожу Цинь: она хорошо готовила, была ласкова к ребенку. Он мог спокойно оставлять ей Сяо Бао и безвылазно находиться в горах.

Но столкнувшись с конфликтом, он понял, что все не совсем так.

«Если она не боится, что о ребенке некому будет заботиться, и уходит, пусть уходит!»

«Если я пойду и верну ее, то в будущем, как только что-то случится, она снова бросит ребенка и уйдет».

Сяо Ху изначально думал о том, стоит ли пойти к родителям жены и забрать их, но теперь он решил этого не делать.

Ци Бэйнань, увидев это, понял, что его тесть не совсем неразумный человек. Достаточно слегка намекнуть, и он может понять, что происходит в доме.

«Боюсь, это... может быть...»

Не успел он договорить, как Сяо Ху сказал: «Не беспокойся, в этом доме главный я».

Ци Бэйнань именно этого и добивался. Он снова утешил Сяо Ху, но не стал подливать масла в огонь.

Затем добавил: «Тогда я пойду проведать Сяо Бао».

«Дядя Сяо, не волнуйтесь. В дни, когда тетушки нет, я обязательно буду хорошо присматривать за Сяо Бао».

Сяо Ху посмотрел на комнату Сяо Юаньбао с болью в глазах.

Бедный ребенок так рано потерял родную мать, страдает, живя с ним, отцом, который не умеет о нем заботиться, а теперь еще и непутевая мачеха.

Он посмотрел на почтительного и кроткого Ци Бэйнаня, и его сочувствие возросло.

Он протянул руку и сжал плечо Ци Бэйнаня: «Ты рано потерял мать, и я не знаю, как твой отец

Ци сюцай вырастил тебя в одиночку до таких лет».

«Я мальчик, меня легче воспитывать. Даже если воспитывать небрежно, это не так важно. С герами иначе, они требуют больше внимания. Но независимо от того, легко или сложно нас воспитывать, мы, дети-сироты, всегда доставляли хлопоты отцам».

Сяо Ху с утешением кивнул: «Ты хороший ребенок. Сяо Бао боится незнакомцев, но тебе не повредит сблизиться с ним».

Что касается госпожи Цинь, ее голова и голова ее гера были укутаны тканью. Деревянная повозка раскачивалась на главной дороге, и они уже почти въехали в город.

Ван Чао прижался к госпоже Цинь, шмыгая носом. Хотя половина его лица была скрыта под тканью, он не мог избежать пронизывающего холодного ветра.

Ребенок не выносил холода, тем более, что, придя в семью Сяо, Ван Чао был избалован.

В будние дни, когда Сяо Ху не было дома, он спал до полудня, а с наступлением холодов госпожа Цинь оберегала его так, что даже завтрак приносила ему на кан* в комнату.

[*Кан (炕, kàng) – традиционная система отопления в крестьянских домах северного Китая и Кореи. Типичный кан представлял собой широкую кирпичную или глиняную лежанку, внутри которой по специально проведенным каналам проходил горячий воздух от печи одновременно являясь дымоходом.]

Сегодня его подняли до рассвета и одели, он даже не позавтракал, а только мерз в повозке на главной дороге на холодном ветру.

Он недовольно пробормотал: «Мама, куда мы идем? Почему так рано вышли?»

Госпожа Цинь плотнее завернула Ван Чао в толстое ватное одеяло, которое лежало на нем. Затем достала из узла купленные ранее Ци Бэйнанем леденцы из сахара и орехов и один положила Ван Чао в рот, а остальные положила ему в руку: «Если голоден, поешь сладостей».

Ван Чао, получив еду, обрадовался. Увидев, что мать собрала два узла, а это не похоже на поход в город за покупками, он снова спросил: «Мама, куда мы идем?»

«К родителям».

Ван Чао, услышав, что они едут к бабушке и дедушке, сразу нахмурился: «Зачем ехать к бабушке и дедушке? Ведь скоро Новый год!»

Раньше, когда мать водила его к ее родителям, он не получал ничего хорошего. Старик и старуха, видя его, хмурились и ворчали, и все вкусности отдавали его двоюродному брату.

Хотя после того, как они пришли в семью Цинь, мать снова стала водить его туда, и старик со старухой стали к нему добрее, и еду давали, он все равно помнил старые обиды и не хотел туда идти.

«Мама, если ты поссорилась с отчимом, просто не разговаривай с ним, и все. Зачем мерзнуть и ехать к бабушке с дедушкой?»

Госпожа Цинь холодно хмыкнула: «Поссорилась? Ты не знаешь, из-за чего мы ссоримся? Отец Бао гера хочет оставить этого мальчишку по фамилии Ци жить в нашем доме! Будет ли у тебя потом такая хорошая жизнь? Комнату отдадут чужаку, и деньги тоже на чужака потратят!»

«Если мать не будет настойчивой, кто потом будет иметь право голоса в доме?»

Ван Чао понимал с трудом, но уже сообразил, что то, что Ци Бэйнань будет жить у них, — это нехорошо.

«Но если мы уйдем, они же обрадуются».

«Хм, обрадуются! Вот уж будет, о чем им беспокоиться! Ты думаешь, почему твой отчим позволил нам с тобой жить в семье Сяо? Только для того, чтобы нанять служанку для своего Бао гера. Теперь, когда мать ушла, посмотрим, кто будет готовить им еду и кто будет присматривать за этим ребенком. Пусть эта тройца смотрит на пустые миски».

Ван Чао спросил: «А отчим снова не отвезет Сяо Бао в ту семью Фан в бамбуковой роще?»

«Эти бедняки из семьи Фан! Мать уже давно заставила их прекратить все контакты с семьей Сяо. Твой отчим, даже если захочет, не сможет его туда отвезти».

Госпожа Цинь самодовольно сказала: «Не пройдет и двух дней, как твой отчим поймет свою ошибку, и ему придется прийти к моим родителям с хорошим вином и мясом, чтобы забрать нас. А если он снова будет настаивать на том, чтобы оставить этого мальчишку, мать не вернется!»

Она потрогала узлы, которые взяла с собой. Помимо сменной одежды, она также прихватила мясо, купленное вчера в городе.

Пусть этот охотник, который встал на сторону чужака, знает свое место. Она не верит, что не сможет с ним справиться.

Когда придет время, пусть вся деревня знает, что он хочет вырастить мужа для своего гера и настолько плохо обращается со своей женой, что она сбежала. Пусть люди рассудят, кто прав, а кто виноват.

—

Ци Бэйнань приоткрыл дверь. Он прикрыл руками грелку и быстро проскользнул в комнату Сяо Юаньбао, опасаясь, что туда проникнет слишком много холодного воздуха.

Комната была маленькая, и ее можно было окинуть одним взглядом.

У стены стояла деревянная кровать, завешенная занавесками из грубого желтого полотна. Ци Бэйнань заметил, что швы занавески сильно трясутся.

Он мягко спросил: «Сяо Бао, ты проснулся?»

Сяо Юаньбао сидел на кровати. Он проснулся уже некоторое время назад и собирался одеваться.

Только что он услышал, как открылась дверь, и подумал, что это папа, высунул голову из-за занавески, но увидел входящего Ци Бэйнаня, и тут же спрятался обратно.

Пока он думал, стоит ли отвечать, занавеска приподнялась. Ци Бэйнань просунул голову и сказал: «Ты проснулся! Брат оденет тебя».

Сяо Юаньбао испугался, быстро юркнул под одеяло. Одеяло вздулось маленьким холмиком, и оттуда послышался приглушенный голос: «Не надо брата».

Ци Бэйнань услышал, что его голос уже не такой гневный, как вчера. Он ничего не сказал, а сначала поставил грелку на подставку для ног у кровати, затем сел на край кровати.

Он собирался найти одежду ребенка, когда заметил у изножья кровати два аккуратно сложенных квадратика тофу. Он протянул руку, взял их, разложил на коленях и стал греть над грелкой.

«Госпожа Цинь с Ван Чао ушли, так что...» Ци Бэйнань хотел сказать «брат», но потом вспомнил, что Сяо Юаньбао уже сказал ему, что ему больше не нужны братья, поэтому он отказался от этого титула.

«Я одену тебя, и ты встанешь».

Ци Бэйнань медленно говорил: «Я сначала согрею одежду, а ты можешь еще немного поспать».

Сяо Юаньбао, спрятавшийся под одеялом, услышал, что госпожа Цинь снова ушла с Чао гером, и ему стало любопытно.

Они только вчера были в городе, сегодня они, вероятно, не должны были снова туда идти.

Он не знал, обманывает ли его Ци Бэйнань, и тихо спросил: «Куда ушли?»

Ци Бэйнань улыбнулся, услышав вопрос. Он склонил голову и сказал: «Я скажу тебе, но ты не должен плакать».

Сяо Юаньбао, услышав это, немного высунул голову из-под одеяла.

После вчерашнего плача его круглые глаза опухли и были ярко-красными.

«Не буду. Я даже не плакал, когда госпожа Цинь уходила с Чао гером в город».

Ци Бэйнань поднял брови: «Правда? А если госпожа Цинь увела Ван Чао навестить бабушку и дедушку и вернется только через несколько дней, ты тоже не будешь плакать?»

Сяо Юаньбао оцепенел.

Он не ответил сразу, а сначала спросил: «А папа?»

Ци Бэйнань сказал: «Конечно, он дома. Скоро Новый год, он не пойдет в горы».

Сяо Юаньбао, услышав это, подумал немного и на этот раз кивнул.

«Вот и хорошо!»

Ци Бэйнань весело сказал: «Сяо Бао — самый послушный ребенок, которого я когда-либо встречал».

Сяо Юаньбао, услышав, как Ци Бэйнань хвалит его, опустил глаза и поджал губы, ему было немного неловко.

Но детям нравится, когда их хвалят, поэтому он медленно вылез из-под одеяла: «Я могу одеться сам».

Ци Бэйнань подумал, что он упрямится, не желая, чтобы его одевали, поэтому передал ему теплую одежду, решив, что поможет, если ребенок не справится.

Сяо Юаньбао, вылезший из-под одеяла, был одет только в светло-голубое нижнее белье из тонкой ткани, которое выглядело довольно старым.

Оно было сильно помято, и края рукавов и штанин немного завернулись.

Он сидел на коленях на кровати, и были видны белые участки кожи на лодыжках и руках.

Ци Бэйнань увидел, что ребенок без теплой зимней одежды похож на котенка или щенка, шерсть которого намочила. Пушистый мех исчез, и он сразу стал выглядеть намного худее.

Он нежно погладил его тонкие, мягкие, распущенные волосы, и с болью сказал: «Ты должен есть больше риса, ты слишком худой. Я могу поднять тебя одной рукой».

Сяо Юаньбао, держа верхнюю одежду, услышал это и немного сердито посмотрел на Ци Бэйнаня: «Нельзя».

«Что нельзя?»

«Детям нельзя есть много риса и мяса. Маленькие утята едят много отрубей и червей, вырастают жирными, их связывают за ноги и продают в город».

Сяо Юаньбао очень серьезно сказал: «Я не хочу, чтобы меня связывали за ноги и продавали. Тогда я больше никогда не увижу папу».

Ци Бэйнань рассмеялся: «Кто тебе сказал эти нелепые вещи?»

Интересно, кто это вчера плакал, но не забывал есть мясо?

Сяо Юаньбао открыл рот, чтобы ответить, кто ему это сказал, но, подумав, снова закрыл его.

Чао гер запретил ему говорить кому-либо, иначе он положит ему в одеяло маленькую змею.

Ци Бэйнань, увидев, что он молчит, сказал: «Ты же не маленький утенок. Почему ты должен быть таким же, как он? Даже если ты вырастешь высоким и сильным, тебя не продадут».

«Наоборот, если ты не будешь есть достаточно риса и мяса и не вырастешь, другие дети будут тебя обижать».

Сяо Юаньбао моргнул: «Правда?»

«Правда, что меня обижают, потому что я невысокий и не толстый?»

Ци Бэйнань слегка нахмурился: «Кто тебя обижал?»

Сяо Юаньбао покачал головой.

Ци Бэйнань, увидев это, сменил тему: «Конечно, правда. Смотри на брата... на меня. Я такой высокий, и никто не осмеливается меня обижать».

Сяо Юаньбао, заметив оговорку Ци Бэйнаня, не мог не вспомнить печальные слова папы, что папа хочет, чтобы Ци Бэйнань остался его братом.

Он опустил глаза, и в них снова появились слезинки. Он тихо спросил: «А ты будешь обижать других?»

Ци Бэйнань не понял: «Только плохие люди обижают других. Я не плохой человек, как я могу обижать кого-то?»

«Но... если кто-то обидит тебя, я заступлюсь за тебя».

Сяо Юаньбао удивленно поднял глаза на Ци Бэйнаня, как будто глядя на взрослого, говорящего пустые слова, и он немного сомневался.

«Почему ты за меня заступишься?»

Ци Бэйнань подумал немного, протянул руку и потеревил ухо Сяо Юаньбао: «Потому что мама попросила брата позаботиться о тебе. Мама очень волновалась, что Сяо Бао будет один».

Сяо Юаньбао недоверчиво поджал губы: «Правда? Это мама попросила тебя стать братом?»

«Да. Иначе ты меня никогда не видел, как бы я узнал, что тебя зовут Сяо Бао?»

Сяо Юаньбао шмыгнул носом: «А почему ты не сказал мне вчера?»

Ци Бэйнань поперхнулся. Кто сказал, что дети нелогичны? С таким внезапным вопросом действительно трудно справиться.

Поэтому ему пришлось немного схитрить: «Ты же не спросил меня вчера! Ты сразу убежал, я

даже не успел тебе сказать».

Сяо Юаньбао снова шмыгнул носом. Теперь он, похоже, поверил, что Ци Бэйнань действительно пришел в дом по просьбе мамы как его брат.

У ребенка защипало в носу. Слезы, скопившиеся в глазах, уже не могли сдерживаться. Он распахнул руки и бросился в объятия Ци Бэйнаня.

«Я скучаю по маме».

—

<http://bllate.org/book/14487/1282043>